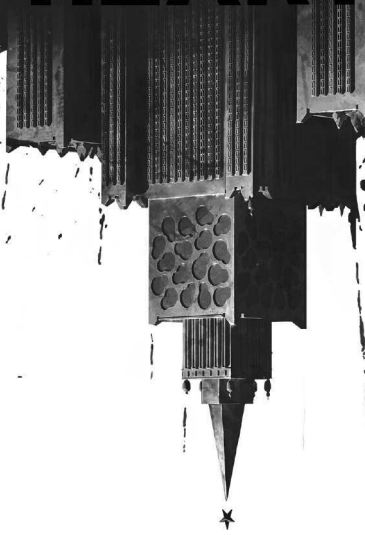


ATOMIC HEART



**СССР, Москва, спортивный зал Московского
государственного педагогического института
иностранных языков**

Воскресенье, 30 августа 1936 г., полдень

Горячие солнечные лучи, совсем несвойственные столице в последних днях августа, проникали через стандартный стеклянный фасад спортивного зала и заливали ярким светом обширное помещение, до отказа заполненное молодёжью. Лето в этом году выдалось изнуряюще жарким, второго августа термометры так и вовсе показали тридцать шесть градусов по Цельсию, чего в Москве с начала двадцатого века не случалось. К началу осени терзавшая москвичей удушливая жара иссякла, сменившись комфортными температурами чуть выше двадцати, но воспоминания о палящем зное, неожиданно устроенном природой столичной округе и не только, были в народной памяти ещё более чем свежи. Отчасти в связи с этим, отчасти из-за большого скопления посетителей все форточки стеклянного фасада были открыты, но на возможные сквозняки не жаловался никто. После минувшей жары свежему дуновению ветерка был рад каждый.

Накал страстей в спортзале ничем не уступал недавнему пеклу. Первенство института по боксу достигло кульминации: шли финальные поединки, едва ли не половина студентов пришла посмотреть на состязания лучших физкультурников института и поболеть за своих друзей и однокашников. Из-за большого количества зрителей совсем не маленький спортивный зал оказался набит битком, и самым свободным клочком помещения в настоящий момент являлся сам боксёрский ринг, на котором шёл третий раунд финального поединка. Два молодых статных и рослых крепыша под дружные возгласы толпы наносили друг другу удары, и ни один не собирался сдаваться.



Первая минута третьего раунда прошла на равных, однако на второй минуте ситуация изменилась. Боксёр в красных перчатках ловким обманным финтом вынудил своего соперника допустить ошибку и провёл точную атаку левой сбоку. Боксёр в синих перчатках пропустил удар и пошатнулся, изо всех сил стараясь восстановить равновесие. Рефери на ринге остановил бой и принялся отсчитывать нокдаун. При счёте «восемь» пропустивший удар боксёр пылал решимостью вернуться в бой, и поединок был продолжен. Несколько секунд пострадавший стремился отыграть утерянное преимущество и засыпал своего противника серией ударов. Но боксёр в красных перчатках вновь оказался проворней. Мастерски избежав всех ударов, он выполнил нырок и снова нанёс сопернику левый боковой. Тот, однажды пропустивший подобную атаку, на этот раз её ожидал и своевременно ушёл в оборону. Однако атака оказалась ложной: противник лишь обозначил удар слева, а пробил правый боковой. Боксёр в синих перчатках вновь пропустил удар и упал на колено.

Рефери принялся отсчитывать второй нокдаун, одновременно внимательно изучая состояние пострадавшего боксёра.

— Я могу драться! — возбуждённо выдохнул тот, нетвёрдым движением поднимаясь на ноги под дружные возгласы зрителей.

Зал наполнился криками «Вставай!», «Держись, мы с тобой!» и «Не сдаваться!». Боксёр в синих перчатках поднял руки в знак готовности продолжать бой, и рефери прекратил отсчёт на счёте «девять». Он с сомнением посмотрел на боксёра, но поединок всё же продолжил. Пострадавший вновь ринулся в бой, кипя яростным желанием немедленно нокаутировать обидчика, но боксёр в красных перчатках не позволил ему завладеть инициативой. Вместо этого сам устремился в атаку, разбил защиту соперника серией точных ударов и неожиданно завершил её прямым правым. Защититься от прямого соперник не успел и, пропустив удар, едва не рухнул, тяжело упираясь спиной в канаты.

— Стоп! — выкрикнул рефери под вопли зрителей. — Бой окончен ввиду явного преимущества!

На ринге немедленно появился врач из институтского медпункта, и боксёр в красных перчатках поспешил к свое-

му бывшему противнику, справиться о состоянии здоровья. Они коротко обнялись, и врач приступил к осмотру. Не найдя серьёзных повреждений, он наказал проигравшему явиться в медицинский кабинет сразу после окончания соревнований и, обернувшись к победителю, негромко произнёс:

— Молодец, что не стал добивать его сильными ударами, Александр. Я боялся, что всё закончится сотрясением мозга.

— Да как можно, доктор! — так же тихо ответил тот. — Тут же все свои! А мы вообще пять лет вместе учились! Через двадцать дней вместе в военкомат пойдём, в военные лётчики записываться!

Спустя минуту под ликующие зрительские крики рефери поднял руку боксёра в красных перчатках, и главный судья соревнований торжественно объявил в мегафон:

— Чемпионом института в весовой категории до восьмидесяти двух килограммов стал наш выпускник и медалист Александр Кузнецов! Студенты младших курсов, берите с него пример! Советской стране нужны такие комсомольцы — сильные, смелые, умные! Вам предстоит стоять на страже мирной жизни и строить коммунизм! Скоро начнётся осенний призыв, и наши выпускники уйдут служить в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Давайте пожелаем им хорошей службы!

Студенты дружно прокричали слова поздравлений, и финальные бои продолжились.

Спустя два часа после завершения соревнований и награждения победителей двери института распахнулись, и весело галдящая толпа возбуждённой молодёжи выплеснулась на улицу. Идущий в окружении бывших однокашников Кузнецов обменивался впечатлениями с приятелями и не сразу почувствовал, что кто-то осторожно, но настойчиво взял его за локоть. Обернувшись, он увидел человека в штатском.

— Товарищ Кузнецов? — Суровый и жёсткий взгляд незнакомца никак не вязался с его подчёркнуто дружелюбным тоном. — Александр Иванович?

— Да, — кивнул Кузнецов. — А в чём дело?

— Пройдёмте, товарищ. — Незнакомец не предъявил никаких документов, но сама эта фраза говорила уже о многом. — Нам необходимо поговорить без посторонних ушей.

— Саша, что случилось? — Одна из весело щебетавших студенток заметила, что Кузнецов отстал, и обернулась.

— Всё в порядке! — торопливо заверил её Александр. — Мне надо поговорить с товарищем по важному делу. Идите, я вас догоню.

Незнакомец приветливо улыбнулся и, убедившись, что девушка успокоилась и вернулась к беседе, двинулся прочь, держа путь за угол институтского здания. За всю дорогу он ни разу не обернулся, уверенный, что молодой человек следует за ним. И действительно, Александр, насупившись, шёл следом, машинально сжимая в руке почётную грамоту победителя первенства института. «Странно, что этот тип не в форме, хотя какая разница... С НКВД лучше не шутить. Не то домой можно не вернуться». Впрочем, Александру бояться было нечего, он не сделал ничего дурного. Наверное, ему хотят задать вопросы о родителях: те были старыми революционерами и подпольщиками, с богатым прошлым, о котором сам Александр знал далеко не всё. Такие беседы с чекистами случались уже дважды: первый раз три года назад после смерти отца, второй — в прошлом году, после смерти матери. Длились они долго, но, к счастью, обошлось без последствий.

За углом главного институтского корпуса обнаружился злобещий чёрный «воронок», и Александр насупился ещё сильнее. Видимо, это из-за матери. У кого-то опять появились сомнения в его благонадёжности или что-то в этом духе. В прошлую беседу в НКВД среди обычных вопросов попало несколько очень обидных и неприятных. Придётся потерпеть и на этот раз.

— Садитесь, товарищ Кузнецов! — Незнакомец распахнул заднюю дверь.

Александр молча влез в салон, в котором ожидаемо оказался не один. Напротив него сидели двое крепких парней в военной форме с лейтенантскими кубарями на петлицах. Однако, к его удивлению, петлицы у них оказались армейскими, а не чекистскими. Тем временем незнакомец занял место рядом с водителем, и автомобиль тронулся с места, немедленно ныряя в боковой переулок.

— Куда меня везут? — хмуро поинтересовался Александр.

— Терпение, товарищ Кузнецов, — ответил один из лейтенантов. — Скоро всё узнаете.

На этом разговор закончился, и Александр, удобнее устроив на сиденье своё рослое тело, перевёл взгляд в за-

темнённое дверное окно. Если они не из НКВД, то откуда? Что им от него надо? Вопросы по поводу того, почему он не в армии, хотя ему исполнилось двадцать два? Но ему была положена отсрочка по закону, до окончания института. Он окончил институт в прошлом месяце, двадцатого сентября начинается призыв, и они с друзьями и однокашниками собирались все вместе явиться на призывной пункт в первый же день...

Минут через двадцать «воронок» подъехал к глухим кованым воротам, за которыми находилось большое здание без вывесок и табличек — бывший дворец какого-то царского буржуя. Александр не раз проходил мимо, но не знал, что за учреждение в нём расположено.

«Воронок» въехал в просторный, заполненный такими же чёрными автомобилями двор, в котором находилось несколько будок с вооружёнными часовыми. Незнакомец велел Александру следовать за ним в здание, где на каждом этаже и у входа в каждое крыло стояли посты вооружённой охраны. Сомневаться в солидности данного учреждения не приходилось.

Незнакомец сопровождал Александра до одного из многочисленных кабинетов, завёл внутрь, зашёл сам и молча запер дверь на замок.

— Присаживайтесь, товарищ Кузнецов. — За массивным столом из лакированного дуба в центре помещения сидел человек в военной форме с майорскими петлицами. Перед ним лежала закрытая папка с личным делом, совсем тонкая на вид. С обеих сторон от неё находились ещё две, потрёпанные и раз в пять толще.

Александр сел на стул. Сопровождавший его незнакомец, по-прежнему не произнёсший ни слова, расположился напротив.

Майор коснулся рукой тонкой папки, словно раздумывая, открывать её или нет, и вперил в Кузнецова пристальный взгляд.

— За что меня задержали? — всё так же хмуро спросил Александр, выдержав взгляд майора. — Я ничего не сделал.

— Вас никто не задерживал, товарищ Кузнецов, — невозмутимо ответил офицер.

— Тогда зачем меня привезли сюда? — угрюмо парировал Александр. — Что это вообще за место?

— Это Четвёртое управление штаба Красной Армии, — ответил майор. — Одно из его отделений. Слышали о таком?

— Разведупр?! — удивился Александр, оглядывая кабинет с невольным восхищением. — Вы разведчики?!

— Разведчики, — кивнул офицер.

— Вот это да! — Александр спохватился, заставляя себя быть серьёзнее. — Но... товарищ майор... при чём здесь я?

— Сейчас узнаете, товарищ Кузнецов. — Майор открыл тонкую папку и пробежал глазами по лежащему в ней документу. — Поправьте меня, если где-то допущена ошибка. Вы — Кузнецов Александр Иванович, тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения, появились на свет двадцать восьмого июля в городе Мытищи Московской губернии.

Он открыл лежащую справа толстую папку и продолжил:

— Ваш отец, Кузнецов Иван Афанасьевич, русский, революционер-подпольщик, член РСДРП с тысяча девятьсот пятого года, впоследствии член РСДРП(б), в годы эмиграции был лично знаком с товарищем Лениным. — Затем открыл папку слева, но по мимолётности его взгляда было ясно, что все имевшиеся в ней сведения он знает наизусть: — Ваша мать, Эльза Хаген, немка, в прошлом активист Социал-демократической партии Германии, член РСДРП с тысяча девятьсот двенадцатого года, впоследствии член РСДРП(б). Ваш отец познакомился с ней, находясь в Германии в эмиграции. Там же, в Германии, ваши родители поженились, и ваша мать приехала с отцом в Россию, которую с тех пор не покидала и где являлась активным революционером. Во время Великой Октябрьской социалистической революции ваши родители находились в Ленинграде, в те годы носившем название Петроград, и непосредственно в день революции участвовали в захвате городского телеграфа. В годы Гражданской войны ваши отец и мать сражались с белогвардейцами в составе РККА, вы в это время находились в интернате. Оба в разное время были тяжело ранены, причём отец был ранен дважды. Полученные ранения подорвали его здоровье, вследствие чего он умер три года назад. Примите мои соболезнования, товарищ Кузнецов.

— Спасибо, товарищ майор. — Александр вновь насупился. — Мама страдала от последствий ранения меньше, чем отец, но часто жаловалась на застарелые боли. Она умерла прошлым летом.

— Ещё раз соболезную. — Майор невесело вздохнул и негромко произнёс: — Старая гвардия уходит... Сейчас её так не хватает...

Он на мгновение закрыл глаза, словно вспоминал давних и верных друзей, но тут же продолжил:

— Вернёмся к вам. Итак, месяц назад вы окончили Московский государственный педагогический институт иностранных языков с золотой медалью. В совершенстве владеете немецким языком, на котором разговариваете чисто, без акцента. Помимо этого, владеете английским и испанским в рамках институтской программы. Имеете значок «Ворошиловский стрелок», ваш отец отлично владел винтовкой и привил вам любовь к стрелковому спорту. С детства увлекаетесь спортом, посещаете школу учлётов* в Осоавиахиме, у вас десять прыжков с парашютом, имеете знак ГТО второй степени и первый спортивный разряд по боксу. Три часа назад выиграла первенство института по боксу в весовой категории до восьмидесяти двух килограмм. Ваш рост сто семьдесят семь сантиметров, волосы светлые, глаза серые, особых примет не имеется. Через двадцать дней начинается призыв на обязательную военную службу, и вы собираетесь проситься в военные лётчики. Я что-нибудь упустил?

Офицер умолк и вновь вперил в молодого человека пристальный взгляд, однако на этот раз не показавшийся Александру столь суровым, как поначалу.

— Всё верно, товарищ майор, — подтвердил Кузнецов. — Я понимаю, что сразу военным лётчиком мне не стать, но я же учлёт. Если меня возьмут в авиацию, я не подведу!

— Красная Армия, — твёрдо и неторопливо произнёс майор, — предлагает вам вместо лётчика стать разведчиком. Мы научим вас летать. Но сейчас ваши способности и умения более пригодятся Советскому Союзу и Коммунистической партии на другом фронте. Ваше слово, товарищ Кузнецов?

— Я согласен! — не раздумывая ответил Александр. — Всегда мечтал заниматься настоящим делом! Что я должен делать?

— Вы слышали о том, что происходит в Испании, товарищ Кузнецов? — осведомился офицер.

* Учлёт — ученик-лётчик (примеч. авт.).

— Об этом знает весь СССР! — воскликнул Александр. — Путчисты-монархисты и капиталисты начали Гражданскую войну, чтобы задушить молодое социалистическое государство! Коминтерн призвал добровольцев вступать в интернациональные бригады! Объявлено, что их будет семь штук! Мы с друзьями хотели записаться, но, говорят, в интербригады не берут тех, кто не служил в армии.

— Вы окажетесь в Испании позже, чем интербригады и ваши друзья, если они туда попадут, — спокойно произнёс майор. — Прежде вам предстоит пройти обучение разведывательному делу. Но ценность вашей работы в Испании будет многократно выше, чем простое участие в боях в качестве обычного пехотинца или даже лётчика.

— Я готов! — отчеканил Александр. — Что нужно сделать?

— Ваш наставник, — майор кивнул на незнакомца в штатском, — вскоре введёт вас в курс дела. На сегодня наш разговор окончен, вам надлежит вернуться домой, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. Сейчас вам предстоит дать подписку о неразглашении и свыкнуться с мыслью о том, что с прежней жизнью, в том числе с друзьями, подругами и знакомыми, придётся порвать. Ступайте, товарищ Кузнецов. Желаю вам успешной службы. Мы с вами ещё не раз встретимся.

С этими словами майор поставил в его личном деле какой-то штамп и закрыл папку.

Москва, Кремль, кабинет председателя Совета народных комиссаров товарища Молотова

1938 г.

— Эта докладная записка пришла по линии Академии наук, Егор Тимофеевич! — Стоявший по струнке перед письменным столом Молотова помощник объяснял назначение только что переданного документа. — Руководство академии очень просило ознакомиться вас с нею лично. Речь идёт о новой технологии, которая, по мнению учёных, приведёт к революции в советском народном хозяйстве!

— Я ознакомлюсь. — Молотов сдержанно кивнул. — Ступайте!

Помощник покинул кабинет, и председатель Совнаркома окинул взглядом лежащие на рабочем столе стопки с документами, требующими немедленного рассмотрения. Сегодня придётся работать за полночь, иначе времени не хватит физически, но записку от Академии наук необходимо изучить сейчас, иначе потом она затеряется в непрекращающемся потоке рутинных бумаг. Молотов распечатал объёмистый персональный конверт, извлёк оттуда пачку листов, густо заполненных машинописным текстом, перемежающимся с графиками, и принялся за чтение.

Порядка получаса он изучал предоставленные данные, после чего сосредоточился на последней странице, где были перечислены авторы документа. Фамилии почти всех учёных, являющихся создателями предлагаемой технологии, он уже слышал. Возглавлял научную группу профессор Сеченов Дмитрий Сергеевич, руководитель НИИ мозга Академии медицинских наук СССР.

Эту фамилию Молотов впервые услышал год назад, в тридцать седьмом, когда предыдущий руководитель НИИ мозга был арестован НКВД и объявлен врагом народа. Негодяй оказался троцкистом, тесно связанным с антисоветским подпольем, стремившимся сместить товарища Сталина и отдать СССР во власть марионеткам капитализма. Вместе с руководителем института была разоблачена целая сеть врагов народа, которую тот создал в своём НИИ, всех их арестовали и впоследствии расстреляли. Списки осуждённых на смертную казнь он подписывал лично, поэтому помнил эпизод с НИИ мозга очень хорошо.

НИИ остался без руководителя и основных специалистов. Работу требовалось, по сути, организовывать заново, и Академия наук назначила на эту должность Сеченова. Профессору Сеченову в ту пору было всего тридцать семь, но он уже являлся доктором биологических, медицинских и технических наук. Последнее обстоятельство в тот момент Молотова удивило, но возражать он не стал. Согласно заверениям руководства Академии наук, Сеченов был одним из лучших учеников гениального Бехтерева, уже являлся выдающимся нейрохирургом и имел богатую практику.

Для обновления НИИ мозга, только что вырванного советскими чекистами из кровавых лап подлых врагов народа, данная фигура подходила вполне, и Сеченову разрешили

сформировать научные кадры института по собственному усмотрению. Судя по докладной записке, которую читал сейчас Молотов, Сеченов подошёл к оному формированию весьма нестандартно. Помимо медиков, некоторые должности в НИИ мозга занимали учёные, от медицины далёкие, но их фамилии не раз мелькали в докладах Академии наук.

Академик Вавилов Сергей Николаевич — генетик, ботаник, селекционер. О нём в СССР слышал каждый. У него был собственный институт генетики в Ленинграде, но, оказывается, он дружил с Сеченовым и совмещал у него научную должность. И как только такая научная шишка согласилась на подобное совмещение, да ещё под началом какого-то юнца? Разве это не должно быть для Вавилова унизительно?

Впрочем, к Вавилову у НКВД давно имеются вопросы. Он подозревается в связях с врагами народа, в частности с троцкистами и правыми уклонистами. Помимо этого, Вавилов часто бывает за границей по роду своей научной деятельности. Выступления на международных научных конгрессах в США и Великобритании, широкое признание в научных кругах капиталистических стран, поддержка Вавиловым арестованных врагов народа из числа учёных — всё это не может не настораживать коммунистическую партию!

Далее, Павлов Иван Алексеевич — физиолог, вивисектор, знаменитый исследователь функционала нервной системы, ещё один советский учёный с мировым именем, настоящая громада в мире мировой науки, нобелевский лауреат. Он тоже руководил собственным институтом — Институтом физиологии Академии наук. Павлова Молотов знал лично. Даже странно, что от него ускользнул тот факт, что Павлов совмещал свою основную деятельность с какой-то не самой высокой должностью в НИИ Сеченова. Как они вообще сошлись?

Судя по докладной записке, произошло это в 1936 году, в Ленинграде. Павлов в тот год едва не умер, и именно Сеченов сделал ему операцию, спасающую жизнь великому учёному. С того момента они и стали дружны. Хотя знакомы были, как выясняется, ещё раньше, через Бехтерева. Сеченов был учеником Бехтерева, а Бехтерев поддерживал с Павловым научные контакты и многое сделал для внедрения в медицинскую практику его теории условных рефлексов. Последнее Молотову тоже было непонятно. Бехтерев и Павлов

враждовали, это было общеизвестно. Так зачем Бехтереву помогать своему личному недругу, а Павлову, соответственно, помогать лучшему ученику своего личного недруга? У всех этих учёных мозги набекрень, и от них вечно полно проблем.

Кто там ещё? Королёв Федор Валентинович. В высшей степени странно и ещё более подозрительно. Королёв — ракетостроитель. Два года назад, в тридцать шестом, Красная Армия проводила испытания двух его боевых ракет, зенитной и дальнебойной. Как он оказался в НИИ мозга у Сеченова? Он же не имеет к медицине ни малейшего отношения. Зато имеет непосредственное отношение к врагам народа! Его соратники по Реактивному Институту обвиняют его в троцкистской деятельности. НКВД настаивает на его аресте, этот запрос лежит на столе Молотова прямо сейчас.

Ещё один учёный, не имеющий отношения к медицине. Курчатов Артемий Николаевич. Это физик-ядерщик, профессор из Ленинграда, буквально на прошлой неделе был выдвинут в действительные члены Академии наук СССР. Что-то там изобретает на тему атома, чушь какая-то, если судить в прикладном плане, но научный мир верит в перспективы. Особенно немцы, что подозрительно уже само по себе. То есть и он совмещает какую-то должность в НИИ мозга? Что там вообще творится, в этом НИИ у Сеченова?!

Молотов просматривал документ страницу за страницей. Дальше — больше! Филимоненко Алексей Петрович. Ещё один физик-ядерщик, и тоже ни малейшего отношения к медицине. Но, судя по докладу, именно он является главным соавтором Сеченова по существу вопроса, изложенного в данной докладной записке.

Челомей Аркадий Михайлович — эту фамилию Молотов слышал впервые. Этот вообще из Киева. Также какой-то механик и инженер и тоже как-то подвизался в НИИ мозга у Сеченова. А помимо него, некий Лебедев Алексей Владимирович, профессор электротехники...

Всё это наводило на мысли о нецелевом расходовании средств в НИИ мозга, находившегося под управлением товарища Сеченова. Однако здравый смысл подсказывал, что Академия наук не могла не знать об упомянутых выше странностях, и Молотов углубился в детали документа. Вскоре выяснилось, что все эти непрофильные специалисты